

Раздался бой часов, отсчитывающих последние секунды. Тань Юмин стоял у переливающегося огнями панорамного окна. Он изогнул губы в улыбке и протянул руку:

— Шэнь Цзуннянь.

Это был жест для рукопожатия.

Часы пробили семь раз.

— С Новым годом.

Шесть раз.

Шэнь Цзуннянь не шелохнулся. Тань Юмин так и стоял с протянутой рукой.

Пять раз.

С Шэнь Цзуннянем никто не мог сравниться в терпении с Тань Юмином.

Четыре раза.

Уголок сердца Шэнь Цзунняня дрогнул от грохота фейерверков и петард.

Три раза.

Перед глазами, словно кадры киноплёнки, пронеслись воспоминания.

Два раза.

От двенадцати до двадцати восьми лет.

«Бам—»

Запуск фейерверков достиг своего апогея. Они осветили всё небо над островом, а заодно и лицо Тань Юмина.

На фоне мириад огней в домах Шэнь Цзуннянь в конце концов всё же протянул правую руку:

— Угу, с Новым годом.

Только в этот миг на остров по-настоящему пришёл новый год.

Тань Юмин дождался. Он радостно и крепко пожал ему руку пару раз — немного официально и в то же время непринужденно.

Шэнь Цзуннянь знал: этот жест означал «надеюсь на твою заботу и в новом году».

В семье Тань была традиция не спать в новогоднюю ночь. Но Тань Юмин в итоге не выдержал и провалился в смутную дрему. Шэнь Цзуннянь какое-то время смотрел на бугорок под одеялом. Затем он подошёл и толкнул его:

— Тань Юмин.

Человек на кровати пошевелился.

Шэнь Цзуннянь нахмурился:

— Иди спать в свою комнату.

Тот, кого потревожили, едва не лягнул его ногой.

«...» Шэнь Цзуннянь опустил взгляд на парня, спавшего всё крепче. Неизвестно, о чём он думал, но в конце концов просто наклонился и ровно поставил его мягкие тапочки. Затем он поставил его телефон на зарядку, выключил свет и лёг на другую сторону кровати.

Он оставил между ними приличное расстояние. Однако Тань Юмин чутко уловил огромный источник тепла и тут же оплёл его руками и ногами. Шэнь Цзунняню пришлось отодвинуть его, закинув руки за голову.

Они давно уже не спали вместе. В детстве, когда Шэнь Цзуннянь только появился в доме, он всё время молчал и не спал. Тогда Гуань Кэчжи велела Тань Юмину лечь с ним и побольше разговаривать.

Во сне Тань Юмин любил раскидываться, словно осьминог. Шэнь Цзуннянь служил ему подушкой, одеялом и плюшевой игрушкой. Если Шэнь Цзуннянь от нетерпения будил его, тот лишь сонно приоткрывал глаза. Не понимая спросонья, что происходит, он прижимался щекой к щеке, обнимал и уговаривал: «Ты чего ещё не спишь? Давай засыпай, завтра в школу».

— ...

Шэнь Цзуннянь давно забыл, когда, где и как зародились его чувства. А когда он их осознал, они уже разрослись, словно дикая лоза.

Прежде чем он успел ощутить сладость и трепет, на него обрушилось предчувствие неминуемой катастрофы и грядущей беды. Эти невидимые кандалы рухнули ему на голову, застав врасплох.

На исходе детства и на протяжении всего долгого подросткового периода Шэнь Цзуннянь бесчисленное множество раз пытался логически доказать себе, что это лишь иллюзия. Обычный самообман. Но в ответ получал всё больше и больше неопровержимых доказательств обратного.

Среди безнадёжной паники и бесчисленных неудачных попыток «исцелиться», Шэнь Цзуннянь постепенно всё понял. Другого выхода не было. Ему оставалось лишь учиться жить с этой пугающей и шаткой фантазией. Он решил бережно хранить и оберегать это искажённое тепло.

Он не знал, как долго ещё сможет владеть этим. И не был уверен, на сколько ещё хватит его собственных сил. Сдавшись, он прикрыл глаза.

Тань Юмин перевернулся на другой бок и бессознательно придвинулся к Шэнь Цзунняню. Он скомкал в кулаке его пижаму. Его тёплое дыхание едва ощутимо щекотало шею.

Вся кровь и все чувства прилипли к местам, которых тот касался. Шэнь Цзунняню стало трудно дышать. Пульс бесконтрольно скакал. Сладковатый запах въедался в самые кости, отзываясь болью.

Звуки фейерверков и петард раздавались отчетливо. Тёмная комната казалась крошечным спичечным коробком посреди снежной бури. Тань Юмин вечно стремился почерпнуть тепло и жар от Шэнь Цзунняня. Он даже не подозревал, что сам является пламенем и источником света.

Если Шэнь Цзуннянь оттолкнет его, то окажется в плену прошлой вьюги и грохота. Если же приблизится — они вместе превратятся в сметающий всё на своём пути пожар.

Сладкая боль, от которой веет теплом. Мука, укутанная в медовую глазурь. Так было в эту ночь, и так было каждый год.

Шэнь Цзуннянь молча терпел. Из старого года в новый, от прошлых дней к будущим.

Тань Юмин ничего не знал и ни о чём не тревожился, безмятежно засыпая. Рядом был самый знакомый запах, самая безопасная гавань. Он бесцеремонно пересекал все границы.

Шэнь Цзуннянь уже поднял руку, чтобы отстранить его. Но в самом конце... в конце концов он лишь в очередной раз заботливо подоткнул ему одеяло.

Тань Юмин, казалось, встревожился от шума петард. Шэнь Цзуннянь тихо смотрел на него.

Поколебавшись мгновение, он, как в детстве, легонько похлопал его по верх одеяла. Складка между бровей Тань Юмина тут же разгладилась.

Сладкий сон лежал совсем рядом. Неясно, какой нынче шёл год, и сколько их ещё осталось.

В первый день нового года Тань Юмин проснулся от грохота петард у подножия горы. В комнате он был один. Он накинул первую попавшуюся под руку куртку Шэнь Цзунняня и вернулся к себе. Даже после душа в голове стоял туман. Выйдя в коридор в полусонном состоянии, он столкнулся с Гуань Кэчжи.

Тань Юмин откинул волосы назад и, узнав её, произнёс:

— Доброе утро, Гуань-цзун. С Новым годом.

Счастливым бамбук во дворе зеленел и дышал жизнью. Не спавшая полночи Гуань Кэчжи непрерывно зевала:

— Доброе утро, мой хороший. Желаю богатства и процветания.

Тань Чжуншань вынес чемодан к дверям:

— Сяо-Чжи, иди завтракать. Водитель приедет в одиннадцать. — Затем он скомандовал Тань Юмину: — Юмин, принеси маме стакан тёплой воды.

Тань Юмин мигом проснулся. Он даже перестал называть её «Гуань-цзун»:

— Мам, вы куда-то собираетесь?

Гуань Кэчжи всё ещё пребывала в прострации:

— На остров Фэйлин.

Во время Праздника весны желающие поздравить семью Тань буквально обивали пороги. Они старались сбежать от этой суеты при любой возможности и отправлялись отдыхать в какое-нибудь красивое место.

Тань Юмин возмутился:

— А почему мне ничего не сказали?

У Гуань Кэчжи разболелась голова от шума, и она потёрла виски:

— Разве твой брат Шань тебе не говорил?

Тань Юмин взглянул на отца:

— Нет.

Гуань Кэчжи протянула «о-о»:

— Ну, значит, не говорил.

— ...

С застывшим лицом Тань Юмин пошёл за кружками. Шэнь Цзуннянь уже налил тёплую воду в два стакана. Один он отдал ему, чтобы отнести Гуань Кэчжи, а второй протянул самому Тань Юмину.

Гуань Кэчжи увидела это и улыбнулась:

— Спасибо, Нянь-цзай. Желаю богатства и процветания. В новом году ты должен и дальше быть денежным деревом тётушки Гуань.

Тань Юмин просто поражался её словам.

— А где дедушка с бабушкой?

Тань Чжуншань позвал их пить утренний чай:

— Они вернулись в деревню. Твой второй дядя сказал, что достал им потрясающе красивую местную пушистую собаку. Ей нужно побегать по горам пару дней. Бабушке не терпелось, и они выехали с самого утра.

— О, — Тань Юмин почесал в затылке. — А когда вернуться?

Тань Чжуншань посмотрел на Гуань Кэчжи. Та забрала у него остывшую кашу «тинцзай» и ответила сыну:

— Когда захотят, тогда и вернуться.

Больше Тань Юмин не задал ни единого вопроса.

Водитель приехал быстро. Перед отъездом Гуань Кэчжи раздала обоим сыновьям красные конверты «лайси». Они оказались увесистыми: помимо наличных, внутри лежали квитанции на золотые слитки.

Тань Юмин не стал пересчитывать сумму. Шэнь Цзуннянь поднял голову и увидел, что тот пристально смотрит на него.

— Ты мне в этом году ещё не подарил красный конверт, не так ли?

Шэнь Цзуннянь начал работать раньше Тань Юмина. Свой первый красный конверт он подарил ему в первый же год своей карьеры. Даже когда Тань Юмин сам добился успеха в делах, эта традиция сохранялась из года в год.

В новом году у Шэнь Цзунняня появились новые язвительные замечания:

— Ты уже такой взрослый. Как тебе не стыдно просить у меня деньги?

Тань Юмин тоже не страдал от избытка скромности. Он удивлённо спросил:

— А чего тут стыдиться?

Получение красных конвертов никак не зависело от возраста. Для него Шэнь Цзуннянь был таким же человеком, как Гуань Кэчжи и Тань Чжуншань — тем, у кого всегда можно уверенно и без стеснения что-то просить.

Пользуясь своей безнаказанностью, он заявил:

— Даже когда мне будет восемьдесят, ты всё равно обязан дарить мне конверты.

Шэнь Цзуннянь на мгновение замер, а затем с бесстрастным лицом кивнул:

— В новом году твоя наглость растёт вместе с возрастом. Отлично.

— ... А у тебя что, ядовитый язык с возрастом отрастает? Конверт мне не приготовил, да ещё и насмехаешься. Хочешь поругаться прямо в начале года?!

Тань Юмин действительно немного разозлился. И дело было вовсе не в жадности до денег, но... всё же причина крылась именно в этом конверте.

Шэнь Цзунняню было лень реагировать на его придирки:

— Иди собирай вещи. Водитель приедет через час.

В старом доме никого не осталось. Гораздо удобнее было вернуться на улицу Цзошидэн для работы.

Тань Юмина больше всего раздражали его деспотичность и холодность. Он тут же взбунтовался:

— Я не поеду!

Шэнь Цзуннянь кивнул:

— Тогда оставайся здесь сторожить двери.

Тань Юмин с каменным лицом вернулся в свою комнату. Он начал собирать кое-какие личные вещи, как вдруг его рука, скользнув под подушку, замерла.

У Шэнь Цзунняня уже в первый день нового года появились рабочие дела. Он как раз просматривал электронное письмо от Фелипе, когда в комнату неожиданно кто-то ворвался и запрыгнул ему на спину.

Тело Шэнь Цзунняня слегка напряглось.

— Слезь, — строго велел он.

Тань Юмин с сияющими глазами преградил ему путь, размахивая ярко-красным конвертом:

— Шэнь Цзуннянь, и когда ты успел его туда положить?

Шэнь Цзуннянь убрал телефон в карман.

— Не хочешь — верни на место.

— Размечтался!

— Иди собирай багаж.

Тань Юмин как раз изучал чёрно-золотую карту, лежавшую в конверте. У него не было недостатка в картах, но эта, судя по всему, была привязана к счёту Шэнь Цзунняня. К тому же, это была лимитированная серия с национальным достоянием — пандой, жующей бамбук.

Шэнь Цзунняню ничего не оставалось, как пойти и самому собрать его чемодан.

Раз уж Гуань Кэчжи и Тань Чжуншань уехали из Хайши, обязанность навещать родственников и развозить новогодние подарки от семьи Тань легла на плечи Тань Юмина. В этом скрывался и негласный смысл: постепенная передача статуса главы семьи.

Тань Юмин с детства был всеобщим любимцем, выросшим на внимании многих семей. Он был прирожденной звездой светских приемов.

Второй дядя, Тань Цичжэн, в этом году добился неплохих результатов и в ближайшие пару лет мог пойти на повышение. Из двух сыновей семьи Тань Тань Чжуншань был утонченным интеллигентом, а Тань Цичжэн — хитрым прагматиком. Вручив красный конверт, он приобнял

любимого племянника за плечи:

— Год прошел, ты стал на год старше. Что касается твоей личной жизни, второй дядя будет держать руку на пульсе.

В этом году единственная любимая дочь Тань Цичжэна и двоюродная сестра Тань Юмина, Тань Цзуи, должна была обручиться со вторым сыном семьи Чжун.

Хотя они дружили с детства и испытывали друг к другу глубокие чувства, в браке всегда кто-то доминирует. Либо восточный ветер подавляет западный, либо западный — восточный. Только если семья невесты — тесть и братья — обладают силой и влиянием, девушка будет чувствовать себя уверенно в доме мужа.

Хотя Тань Юмин, несмотря на молодость, уже демонстрировал блестящие результаты, богатые и знатные семьи лучше других понимали принцип «крайности сходятся» и «за рассветом всегда следует закат».

Тань Юмину было плевать на свидания вслепую и смотрины. Однако он был амбициозен и дерзок. Никто не смел сомневаться в его способностях. Ему не нужны были эти династические связи, чтобы прославить «Пинхай».

Он небрежно махнул рукой:

— Понял, второй дядя. Я всё знаю. Ты лучше за помолвкой Цзуи проследи. А нам пора в следующий дом. Не провожай.

«Бентли» выехал с территории виллы и снова вырулил на дорогу.

На Праздник весны везде было полно людей. Весь город кипел в шуме голосов, гудках машин и «тук-тук-тук» — звуке таймера на красных светофорах.

Они проехали по Берлин-роуд. Там виднелась небольшая рощица с красными листьями. Раньше они проезжали этот участок каждый день по дороге в школу Инхуа. Неизвестно когда, но там уже установили знак «Проезд запрещён».

Дорогу, по которой они ездили больше десяти лет, перекрыли. «Бентли» совершил поворот и направился к развилке.

Хотя машина отъехала уже очень далеко, Шэнь Цзуннянь всё равно продолжал слышать стук светофора.

Он не догадывался, что звук обратного отсчета на самом деле раздавался внутри него самого.

— Шэнь Цзуннянь, ты куда едешь? Мы сейчас проскочим, — сказал Тань Юмин, глядя на адрес, который прислал Чэнь Вань. — Сворачивай прямо здесь.

Список новогодних подарков от Гуань Кэчжи не ограничивался лишь родственниками. Туда вошли и друзья Тань Юмина, правда, только самые близкие, с кем он дружил с детства.

Чжао Шэнгэ они привезли закуски и праздничные блюда — те самые, которые он с удовольствием ел в детстве, когда приходил в гости к семье Тань. Чжо Чжисюаню, не пользовавшемуся расположением своей семьи, они вручили приглашения, подчеркивающие его статус. Цзян Ин получил коллекционную новогоднюю картину, а Сюй Эньи — ювелирные украшения...

— С Новым годом, — слегка улыбнулся свежее испеченный лауреат премии «Новый ученый года района Залива» Чэнь Вань. От него словно повеяло легким весенним ветерком.

— С Новым годом, мой Вань, — Тань Юмин закрыл дверцу машины, жестом велел Шэнь Цзунняню достать подарки из багажника. — А где Чжао Шэнгэ?

— В доме.

После сумасшедшей новогодней ночи они проснулись совсем недавно. Чжао Шэнгэ всё ещё пребывал в дурном расположении духа со сна.

Тань Юмин недовольно цокнул языком.

Чэнь Ваня это позабавило. Рассмеявшись, он легонько подтолкнул его в спину:

— Пойдёмте, проходите внутрь.

<http://bllate.org/book/17117/1603811>